

На правах рукописи

Авдашкин Андрей Александрович

**ПРОЦЕССЫ ДИАСПОРИЗАЦИИ
НА ЮЖНОМ УРАЛЕ: 1989-2002 ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2017

Работа выполнена на кафедре политических наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: **Пасс Андрей Аркадьевич,**
доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Официальные оппоненты: **Нам Ираида Владимировна,**
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Каменских Михаил Сергеевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнографии ФГБУН «Пермский научный центр Уральского отделения Российской академии наук»

Ведущая организация: ФГБУН «Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук»

Защита состоится «09» июня 2017 г., в 14-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.298.13 при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Южно-Уральского государственного университета:

https://www.susu.ru/sites/default/files/dissertation/dissertaciya_avdashkina_andreya_aleksandrovicha.pdf

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М. И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы определяется тем, что политические и социально-экономические кризисы последних десятилетий на постсоветском пространстве вызвали широкие миграционные потоки, повышение значимости этнокультурной самоидентификации. Необходим научный анализ накопленного опыта межэтнических отношений и условий жизни диаспор в новых исторических реалиях. Видоизменился как этнический состав населения российских регионов, так и практики межэтнических взаимодействий. Это коснулось полиэтничной и многокофессиональной Челябинской области.

Дискуссия о характере диаспорной идентичности в современной России убеждает в необходимости мониторинга идентичности диаспор для разработки оптимальных проектов интеграции «новых» и сохранения своеобразия старожильческих («старых») сообществ. На заседании Президиума Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации 31 октября 2016 г. ставился вопрос о законодательном оформлении принципов «Формирования российской идентичности и основах этнокультурного развития в России»¹.

Степень научной изученности темы. Комплекс русскоязычных исследований по этой теме только формируется и представлен из трех блоков: социологические исследования, труды политологов и историческая литература.

В социологической литературе основное внимание уделяется социальным характеристикам и институтам диаспор, проблемам адаптации мигрантов. Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова подчеркивали, что этнические диаспоры образуют «социальные институты для развития и функционирования общности»². Социологами раскрыты проблемы

¹ Заседание президиума Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации от 31 октября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения: 07.11.2016).

² Тощенко Ж. Т., Чаптыкова Т. И. Диаспора как объект социологического исследования // Социс. 1996. № 12. С. 37.

обустройства трудовых мигрантов и социальное «конструирование» закавказских и среднеазиатских диаспор в ряде российских регионов³.

В диссертациях по социологии раскрыты вопросы межкультурных взаимодействий диаспор, мигрантов и принимающего общества⁴.

В исследовании В. Н. Козлова и М. А. Гуревича выявлен высокий уровень межэтнической толерантности в Челябинской области, показана потребность граждан в обогащении культурного пространства ценностями национальных культур⁵. Н. Н. Суворова и А. Н. Попов изучили на областном материале социально-демографический и этнический состав мигрантов, прибывавших в регион⁶.

В политологических исследованиях выявлено этнополитическое содержание феномена диаспор⁷. В диссертационных работах политологов проанализированы конфликтогенные и коммуникативные факторы диаспорных процессов⁸.

В трудах Г. А. Туник, О. Н. Максимовой, О. Л. Проскуряковой изучена национальная политика и миграционные процессы на Южном Урале⁹.

³ Бредникова О. Е., Паченков О. В. Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131-147; Фирсов Е. Ю. Инварианты армянской диаспоры в российской провинции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 2. С. 113-132; Паченков О. В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. № 1. С. 162-182; Румянцев С. Ю., Брамидзе Р. Азербайджанцы и грузины в Ленинграде и Петербурге: как конструируются диаспоры (завершение темы) // Диаспоры. 2009. № 1. С. 6-38; Мукомель В. И. Диаспора – партнер по развитию Таджикистана. Душанбе, 2014.

⁴ Попков В. Д. Диаспорные общины в межкультурном взаимодействии: пути формирования и тенденции развития: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2003; Мокин К. С. Стратегии адаптации этнических миграционных сообществ в поликультурной среде: дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2007; Барышная Н. А. Формирование консенсусного потенциала межэтнического взаимодействия на региональном уровне: дис. ... д-ра соц. наук. Саратов, 2014.

⁵ Козлов В. Н., Гуревич М. А. О результатах социологического опроса трудящихся Челябинской области по проблемам межнациональных отношений // Информационный бюллетень социологических исследований в Челябинской области (1988-1989). Челябинск, 1990. С. 3-10.

⁶ Суворова Н. Н., Журавлев А. В., Иванова Т. М. Анализ миграционных процессов на территории Челябинской области. Челябинск, 1997; Попов А. Н., Суворова Н. Н., Спицын А. Н. Управление миграционной безопасностью (Региональный аспект) Челябинск, 2002.

⁷ Мукомель В. И., Паин Э. А. Новые диаспоры. Государственная политика по отношению к соотечественникам и национальным меньшинствам. М., 2002; Полоскова Т. В. Современные диаспоры (внутриполитические и международные аспекты). М., 2002; Попков В. Д. Феномен этнических диаспор. М., 2003.

⁸ Асвацатурова М. А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2003; Ким А. С. Этнополитическое исследование современных диаспор (конфликтологический аспект): дис. ... д-ра. полит. наук. СПб, 2009 и др.

⁹ Туник Г. А. Национально-культурное развитие народов России: политико-правовое регулирование (на примере Челябинской области): дис. ... канд. полит. наук. М., 2000; Максимова О. Н. Этнокультурная политика в субъектах Российской Федерации Южного Урала на современном этапе: дис. ... канд. полит.

В исторической литературе сложился диаспорный подход. Л. Г. Федосеева определяла диаспору как «исторически сложившуюся духовно-культурную общность народа, представители которого в разное время добровольно или принудительно покинули родину»¹⁰. Отправной точкой широкой академической полемики о диаспорах послужило издание научного журнала «Диаспоры» в 1999 г.¹¹

В. А. Тишков на основе конструктивистских позиций интерпретировал диаспору как образ жизни, «дискурсивную практику» и результат личностного выбора¹². В. К. Малькова подчеркивала, что одной из форм мобилизации этничности в России стала идея диаспоризации¹³.

В. М. Пешкова подвела итог методологической полемике историков и предложила следующие критерии диаспоральности: совместный опыт пребывания в иноэтническом окружении за пределами страны происхождения; транснациональные связи и участие в коммуникациях как минимум трех сторон (диаспора, «принимающее» общество, «отпускающее общество»); создание формальных и неформальных институтов, благодаря которым происходит конструирование идентичности; наличие культурного, социального, управленческого, политического капитала, самоидентификация в качестве диаспорного сообщества¹⁴.

Сложился массив исторической литературы, посвященной истории локальных (на уровне регионов, городов) диаспорных сообществ. Так, В. И. Дятлов рассмотрел взаимоотношения кавказских диаспор г. Иркутска и

наук. М., 2006; Проскурякова О. Л. Миграционные процессы на Южном Урале в постсоветский период: дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.

¹⁰ Федосеева Л. Г. Национальные диаспоры как предмет исследования // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения / отв. ред. Н. С. Надъярных, Л. А. Бекизова. Черкесск, 1993. С. 17.

¹¹ Дятлов В. И. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. № 1. С. 8-24; Милитарев А. Ю. О содержании термина диаспора (к разработке дефиниции) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 24-34.

¹² Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43-63; Он же. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспора. 2003. № 2. С. 180; Он же. Единство в многообразии: публикации из журнала «Этнопанорама» 1999–2011 гг. Оренбург, 2011. С. 42.

¹³ Малькова В. К. Мобилизация этнических сообществ в современной России: по материалам этнических СМИ. М., 2011. С. 69.

¹⁴ Пешкова В. М. Теоретико-методологические основания изучения диаспорных сообществ: краткий обзор зарубежных и российских подходов // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения / под ред. А. В. Дмитриева. М., 2016. С. 31-32.

принимającego общества, изучил факторы, ведущие к росту ксенофобии¹⁵. Внимание историков привлекли «этнические рынки», посредничество постсоветских диаспор в сфере торговли¹⁶. Историки-эксперты сети этномониторинга EAWARN исследовали среднеазиатские и закавказские диаспоры в Оренбуржье, Башкирии и др. регионах России¹⁷.

Изучив диаспоры Сибири в конце XIX – начале XX вв. и в постсоветские годы, Нам И. В. выдвинула тезис о сущности диаспоризации как формировании и функционировании конфессиональных, культурно-просветительских и филантропических институтов в рамках диаспор¹⁸.

В трудах И. Ф. Галигузова, Л. М. Алмаевой отражена реализация региональной национальной политики, создание и деятельность национально-культурных обществ в Челябинской области¹⁹. На материалах Южного Урала историками изучены этнокультурные процессы в еврейской, немецкой и украинской этнических группах²⁰.

Отметим работы, написанные представителями национально-культурных обществ по истории еврейской общины, о миграции и

¹⁵ Дятлов В. И. Кавказцы в Иркутске: конфликтогенная диаспора // Нетерпимость в России: старые и новые фобии / под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М., 1999. С. 113-135

¹⁶ Дятлов В. И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000; Бурнасов А. С. Кигайский рынок как логистический центр: на примере рынка «Таганский ряд» в Екатеринбурге // Мигранты и диаспоры на Востоке России: практики взаимодействия с обществом и государством / отв. ред. В. И. Дятлов. М., 2007. С. 68-80; Дятлов В. И. Этнические рынки в современной России – ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В. И. Дятлов, К. В. Григоричев. Иркутск, 2015. С. 16-41 и др.

¹⁷ Амелин В. В. Среднеазиатские мигранты в Оренбуржье // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / под. ред. В. В. Степанова, В. А. Тишков. М., 2009. С. 320-324; Габдрафиков И. М., Хуснутдинова Л. Г. Этнические общины и мигранты в Башкирии: особенности интеграции // Там же. С. 283-293 и др.

¹⁸ Нам И. В. Исторические особенности формирования и деятельности диаспорных институтов в Сибири (XIX-начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX и XX-XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 315-355; Она же. «Новые» этнические группы (диаспоры) в г. Томске // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 33-43.

¹⁹ Галигузов И. Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000; Алмаева Л. М. Опыт национальной политики на Южном Урале: история и современность / сост. С. В. Нечаева // Южный Урал в судьбе России: история и современность. Челябинск, 2008. С. 109-113.

²⁰ Немцы на Урале XVII-XXI вв. Нижний Тагил, 2009; Сумачева М. В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009; Галиева Ф. Г. Украинцы: действие законов консервации и модернизации в многоэтнической среде // Этнокультурные процессы на Южном Урале в XX-начале XXI в. / под ред. Ф. Г. Галиевой. СПб, 2015. С. 75-85.

обустройстве азербайджанцев, а также российских немцах в Челябинской области²¹.

Важное место в исторической литературе занимают диссертационные работы по теме диаспор²². В диссертациях Е. Г. Сосновских и А. Н. Молощенкова исследовано возрождение еврейской общины в Челябинской области в 1989-1990-х гг., а также хронология переселения, этапы и особенности этнокультурного развития украинцев края²³. И. Ю. Москвин изучил реализацию национальной политики на Южном Урале в позднем СССР и в постсоветский период²⁴.

Комплекс зарубежной литературы состоит из трех основных блоков: труды по истории «классических» диаспор, исследования торговых меньшинств и транснациональных особенностей диаспор.

В основе работ зарубежных авторов лежит модель «классических» диаспор, причина образования которых коренится в насильственном характере переселения. Исследователи сравнивали опыт жизни первых диаспор к этнодисперсным группам более позднего периода²⁵.

²¹ Ерусалимчик Г. И. Разные судьбы – одна судьба (из истории Челябинских евреев). Челябинск, 1999; Кулиев Р. Р. Шелковый путь дружбы. Диалог культур: Челябинск-Баку. Челябинск, 2004; Немцы и Челябинская область. Челябинск, 2015.

²² Попова Ю. Н. Корейская диаспора Краснодарского края: историко-культурные аспекты (XX-начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2004; Бабута М. Н. Формирование и современное состояние украинской диаспоры (конец XIX-начало XXI вв.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; Коровушкин Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX-начале XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2009; Смирнова Т. Б. Немецкое население Западной Сибири в конце XIX-начале XXI в.: формирование и развитие диаспорной группы: дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009; Арсибекова Т. В. Армянская диаспора в Москве. История формирования и этнокультурное развитие в конце XX-начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012; Шевцова А. А. Народы Закавказья в поликультурном пространстве республики Мордовия: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2012; Алишина Г. Н. Немцы Томской губернии в конце XIX-начале XX вв.: стратегия и практики диаспорализации: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013 и др.

²³ Молощенков А. Н. Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010; Сосновских Е. Г. Трансформация государственно-конфессиональных отношений в 1985-1997 гг. (на материалах Челябинской области): дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2014.

²⁴ Москвин И. Ю. Национальная политика на Южном Урале 1988-2012 гг. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2013.

²⁵ Shepperson G. The African Abroad or the African diaspora // African Forum. 1966. № 2. P. 76-93; Marienstras R. «On the Notion of Diaspora» // Minority Peoples in the Age of Nation-States / ed. by G. Chaliand. London, 1989. P. 119-125; Safran W. Diasporas in modern societies: myths of homeland and return. Diaspora. 1991. № 1. P. 83-99 и др.

Э. Бонасич связывала предпосылки выживания и делового успеха диаспор с их умением завязывать и расширять полезные контакты²⁶. В этом контексте диаспоры изучались как «торговые» меньшинства²⁷.

Г. Шеффер инициировал изучение темы диаспор в концептуальных рамках транснационализма. Если раньше предметом исследования становились отдельные диаспорные группы, проводились исторические аналогии, то по мере нарастания темпов глобализации проблема приобретала международный характер²⁸.

Таким образом, в историографии получили освещение отдельные аспекты истории еврейской, немецкой и украинской диаспор на Южном Урале. Остались не исследованными такие вопросы, как формирование диаспорных институтов в Челябинской области, социокультурные характеристики диаспор, их коммуникации (трансграничные и др.). Комплексного обобщающего труда, посвященного изучению процессов диаспоризации в регионе в 1989-2002 гг., создано не было.

Объект исследования – диаспоры в Челябинской области в период 1989-2002 гг.

Предмет исследования – социокультурные процессы в региональных диаспорах и взаимоотношения общественных организаций диаспор с органами власти.

Хронологические рамки исследования охватывают 1989-2002 гг. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что конец 1980-х гг. характеризовался активизацией этнокультурного самосознания советских граждан. На пленуме ЦК КПСС в сентябре 1989 г. были предложены новые принципы национальной политики, выраженные в платформе

²⁶ Bonacich E. «A theory of middlemen minorities» // American Sociological Review. 1973. № 38. P. 583-594.

²⁷ Cohen A. Cultural strategies in the organization of trading diasporas // The Development of Indigenous Trade and Markets / ed. by C. Meillassoux. L., 1971. P. 266-281; Armstrong J. «Mobilized and proletarian diasporas» // American Political Science Review. 1976. № 2. P. 393-408 и др.

²⁸ Sheffer G. A New Field of Study: Modern diasporas in international politics // Modern Diasporas in International Politics / ed. by G. Sheffer. N.Y., 1986. P. 1-15; Hannerz U. Transnational Connections: Culture, People, Places. New York, 1996; Faist T. Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? // Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods / ed. by R. Baubek, T. Faist. Amsterdam, 2010. P. 9-34.

«Национальная политика партии в современных условиях»²⁹. Именно в 1989 г. в Челябинской области создаются первые национально-культурные общественные организации, возникает широкий интерес к родному языку, истории, традициям. Выбор верхней хронологической границы продиктован тем, что к 2002 г. завершилось складывание основных общественных организаций закавказских и среднеазиатских этнических групп, численность которых существенно возросла под влиянием миграций первого постсоветского десятилетия. Сформировалась основа сегодняшней конфигурации региональных диаспор. Принятие в 2002 г. закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» способствовало более строгому учету иностранцев и изменило историческую обстановку³⁰.

Территориальные рамки исследования включают Челябинскую область, население которой исторически полиэтнично. Здесь представлено более 130 этнических групп, которым свойственны интенсивные межэтнические и межкультурные взаимодействия. Кроме того, через регион прошла волна внешних миграций, в результате которых усложнился этнический состав населения.

Цель диссертационной работы – изучение процесса развития диаспор в Челябинской области в 1989-2002 гг. на основе анализа деятельности диаспорных институтов и существенных признаков социокультурного облика диаспорных групп.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- определить основные категории и теоретико-методологические подходы в изучении темы;
- изучить взаимоотношения общественных организаций диаспор и региональных органов власти в 1989-2002 гг.;
- установить характер и степень влияния миграций на региональные диаспоры;

²⁹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 19-20 сентября 1989 г. М.: Политиздат, 1989.

³⁰ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/184755/1/> (дата обращения: 12.12.2014)

– исследовать создание, направления и основные формы деятельности диаспорных объединений;

– проследить изменения социокультурных характеристик «старых» и «новых» диаспор.

Источниковая база исследования. В работе использованы документы 19 фондов из 2 архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Объединенного Государственного архива Челябинской области (ОГАЧО).

Обширную группу источников составили делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций. Это переписка по текущей деятельности, распорядительная, учетная и отчетная документация, в том числе статистическая. Тенденции межэтнических отношений в России, социально-демографический и этнический состав вынужденных мигрантов отражены в фондах ГАРФ: Ф. 10121 («Федеральные органы национальной и региональной политики России»), Ф. 10156 («Министерство по делам федерации, национальностей и миграционной политики»), Ф. 10120 («Федеральная миграционная служба Российской Федерации»).

Изучить создание и деятельность диаспорных организаций, тенденции межэтнических отношений в 1989-1993 гг. позволили документы Ф. Р-274 («Челябинский областной Совет народных депутатов») и Ф. П-288 («Челябинский областной комитет КПСС»). Региональная национальная политика в 1993-2002 гг. изучалась с опорой на документы, обнаруженные в Ф. Р-274 («Челябинский областной Совет народных депутатов»), Ф. Р-700 («Администрация Челябинской области») и Ф. Р-825 («Правительство Челябинской области»).

Годовые отчеты Ф. Р-1000 («Главное управление образования и науки Челябинской области») позволили исследовать развитие образования на родном языке для представителей диаспор области.

Учетную документацию о регистрации, динамике развития национальных общественных организаций и религиозных общин, справки и другие сведения об их просветительской, благотворительной деятельности содержат Ф. Р-1589 («Главное управление культуры Челябинской области»), Ф. П-2 («Челябинский областной общественный фонд культуры»), Ф. Р-1041 («Главное управление Министерства юстиции РФ по Челябинской области»), Ф. П-374 («Коллекция документов, посвященных общественно-политической жизни России и Челябинской области»).

Делопроизводственная и отчетная документация из Ф. Р-276 («Челябинская областная прокуратура») по проблеме преступности позволила выявить ее «этнический» сегмент. Ф. П-517 («Челябинское областное общественно-политическое движение «За возрождение Урала») включает результаты соцопросов о содержании массового сознания населения области в условиях рыночных реформ. Данные о миграционных процессах, численном составе и моделях поведения мигрантов отражает Ф. Р-705 («Миграционная служба Челябинской области»). Статистические таблицы с результатами переписи из Ф. Р-485 («Челябинский областной комитет государственной статистики») легли в основу реконструкции социокультурных характеристик диаспор. В фондах Р-233 («Шишов Кирилл Алексеевич»), П-123 («Клайн Максим Максимович») и Р-1329 («Чайко Екатерина Анатольевна») найдены материалы о немцах и евреях Челябинской области.

Большую группу источников составили источники личного происхождения: письма, тексты интервью³¹. Анализ этих сведений позволил исследовать «жизнь в диаспоре» сквозь призму биографии отдельных людей и семей.

Важную роль играло изучение материалов областной периодической печати («Вечерний Челябинск», «Горняцкая правда», «Звезда»,

³¹ Задействовано 127 респондентов. Сбор сведений шел в мае 2013-ноябре 2014 гг. в Челябинске, Магнитогорске, Копейске, Коркино, Троицке, Златоусте.

«Карталинская новь» и др.), изданий общественных организаций («Еврейские окна», «Озан», «Рідне слово» и др.).

Исследование законодательных и нормативных актов позволило выявить основные правовые механизмы регулирования этнокультурных и миграционных проблем в исследуемый период³².

Использовались также иллюстративные источники, применение которых позволило рассмотреть повседневную жизнь изучаемых групп.

Теоретико-методологической основой исследования выступила конструктивистская теория этнических общностей, а также теории исторического развития диаспор А. С. Арутюнова и З. И. Левина, основанные на понимании диаспор как процесса развития от еще «не диаспоры» через «собственно диаспору» к «уже не диаспоре», включая стадии выживания, количественного роста и структурирования, зрелости, упадка и умирания³³.

Диаспоры интерпретированы как «культурно-отличительные общности на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине»³⁴. Феномен диаспор может появляться и исчезать в зависимости от условий, складывающихся в принимающей стране и на международной арене³⁵.

Междисциплинарный подход позволяет использовать возможности смежных социально-гуманитарных наук. Широкое применение также получили биографический и устно-исторический методы, интервьюирование, включенное наблюдение.

³² Законы СССР «О языках народов СССР» (от 24.04.1990), «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» (от 26.04.1990), Федеральные законы «О национально-культурной автономии» (от 17.06.1996 № 74-ФЗ) и др.

³³ Арутюнов С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77; Левин З. И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 40.

³⁴ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 446.

³⁵ Clifford J. Routes. Travel and Translation in the Late Twentieth Century. Cambridge, 1997. P. 249.

Практическая значимость работы состоит в приращении научного знания о российских диаспорах и межэтнических отношениях на Южном Урале в конце 1980-х – начале 2000-х гг. Учет накопленного исторического опыта этнокультурного развития может способствовать повышению эффективности этнокультурной и миграционной политики региональных властей, созданию новых и развитию уже существующих национально-культурных обществ. Теоретический и фактический материал, выводы и обобщения можно использовать в учебном процессе в средних и высших учебных заведениях, при разработке общих и специальных курсов и учебных пособий по отечественной истории, регионалистике, а также при организации работы по воспитанию толерантного отношения к представителям иных культур и конфессий.

Основные положения выносимые на защиту:

1. Диаспоризация это качественный переход от факта присутствия меньшинств в регионе к созданию ими развитых общин, включающих общественные организации, круг активистов, практики взаимопомощи. Использовались два основных пути: первый подразумевал самоорганизацию евреев, немцев, украинцев и казахов; второй предусматривал обустройство постсоветских мигрантов в принимающем обществе, взаимную хозяйственную, социальную и культурную адаптацию.

2. Институционализация этничности поддерживалась проведением этнокультурной политики, которая проявлялась в регулировании нормативно-правовой базы и содействии национально-культурным центрам и автономиям.

3. Этническая структура российского общества, в том числе Челябинской области, в конце 1980-х – начале 2000-х гг. претерпела серьезные изменения. Видоизменился численный и социально-демографический состав региональных диаспор, в них существенно возросло количество выходцев из Закавказья и Средней Азии.

4. Особенностью диаспорных институтов стала гетерогенность. В рамках диаспоральных этнических групп были представлены конфессиональные, благотворительные, культурно-просветительские, образовательные учреждения и хозяйственные объединения.

5. «Старые» диаспоры (еврейская, немецкая, казахская и украинская) складывались еще в советское время. Диаспорные объединения позволили изучать культурное наследие предков, воссоздавать религиозные общины (иудейские и католические), устанавливать контакты с исторической родиной. Естественная убыль и репатриация сократили численность «старых» диаспор. Несмотря на то, что среди немцев и евреев нарастала ассимиляция и эмиграционные настроения, формировались самобытные группы «российских» немцев и евреев.

6. «Новые» диаспоры в Челябинской области (азербайджанская, армянская, грузинская, корейская, курдская и таджикская) формировались в ответ на политические, экономические и социальные вызовы, которыми сопровождалось становление постсоветских государств. Данные диаспоры включали небольшую часть «старожилов», обосновавшихся в России в предыдущие десятилетия, и значительное число «молодых» мигрантов, которые в повседневной жизни опирались на родственно-земляческие отношения, традиции страны исхода, на высоком уровне владели родными языками. Переезд и создание семей позволили сократить гендерную диспропорцию, снизить средний возраст в этих диаспорных группах.

Научная новизна исследования в том, что впервые в отечественной историографии проблема диаспор Челябинской области рассматривается комплексно. В научный оборот введены сведения о просветительской и благотворительной деятельности диаспорных объединений региона, приведены данные о численности различных категорий постсоветских мигрантов. Реконструированы значимые характеристики социально-культурного облика региональных диаспор (возраст, гендерная структура, языковая среда и т.д.). Выявлены модели этнической самоидентификации

(ассимиляция, «симбиоз», мигрантский тип, «ортодоксы»), а также способы обустройства мигрантов в принимающем обществе.

Апробация работы. Результаты исследования изложены в 15 научных публикациях общим объемом в 6,9 п. л., в том числе 10 – в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Пять статей были подготовлены при финансовой поддержке Целевой программы ФГБОУ ВПО ЧелГУ «Фонд поддержки молодых ученых 2014 г.», Проект № 1-14. Содержание работы обсуждалось на II-ой Урало-Сибирской школе по иудаике (21-23 июня, 2013 г. Челябинск-Тюмень-Екатеринбург).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснованы актуальность темы, показана степень научной изученности проблемы, указаны объект, предмет, цель и задачи исследования, территориальные границы, хронологические рамки, охарактеризованы источниковая база, теоретико-методологическая основа исследования, практическая значимость, положения выносимые на защиту, степень научной новизны.

В первой главе **«Теоретико-методологические основы исследования»** анализируются методологические вопросы, связанные с понятийным аппаратом и подходами к предмету исследования.

В первом параграфе **«Методология исследования»** представлены основные когнитивные приемы для достижения цели исследования.

Основой исследования выступила конструктивистская парадигма, позволившая рассматривать диаспоры как «воображаемые сообщества», в основе которых лежит создание формальных и неформальных институтов для поддержания этнокультурной идентичности, представление об общей родине, формирование трансграничных коммуникаций между страной проживания и исторической родиной (страной исхода).

Представлены наиболее значимые исследовательские приемы, способные обеспечить увеличение научного знания. Применительно к диаспоральным процессам в контексте миграций, религии, культуры, идентичности, трансграничных взаимодействий многие из поставленных вопросов могут быть проанализированы с помощью следующих методов: историко-сравнительный, историко-типологический, транснационализм, структурно-функциональный, этноинституционализм, конструктивизм, антропоцентризм.

Во втором параграфе «*Понятийный аппарат*» анализируется соотношение понятий «диаспора» и «этничность».

Этничность – это осознание группой идентичности и инструмент коллективной мобилизации. Этничность выступает базой диаспор, лишь будучи дополнена другими условиями. Диаспора представляет собой часть этнической группы за пределами родины, качественную характеристику самоорганизации. «Образ жизни» в диаспоре включает актуализированную этнокультурную и конфессиональную идентичность, наличие формальных и неформальных объединений, включенность в трансграничные сети коммуникаций. В историческом аспекте диаспоры есть изменения этого «образа жизни» в коммуникативном, институциональном, ментальном и социально-демографическом измерениях.

Возникнув в доиндустриальных и индустриальных обществах, феномен диаспоры переживает свое «второе рождение». Понятие «диаспора» подразумевает, что группа помимо общей этничности обладает организованностью. Это включает на локальном уровне сохранение этнокультурной, языковой и конфессиональной идентичности, создание конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных, хозяйственных объединений, а на глобальном – поддержание контактов с родственными общинами, страной исхода или исторической родиной.

Вторая глава *«Условия формирования диаспор в Челябинской области: этнокультурная политика и миграционные тенденции»* посвящена взаимодействию местных властей с национально-культурными центрами, межэтническим отношениям и вовлеченности региональных диаспор в миграционные процессы.

В первом параграфе *«Этнокультурный контекст диаспоризации»* рассматриваются взаимоотношения национально-культурных обществ диаспор с местными властями в сфере культуры, образования и просветительской работы.

Перестройка и демократизация общественно-политической жизни после распада СССР способствовали повышению уровня этнического самосознания населения страны, активизировали создание национально-культурных объединений и центров, в том числе в Челябинской области. В 1989-1993 гг. эти организации взаимодействовали с Челябинским обкомом КПСС и областным Советом народных депутатов, получая организационную и финансовую помощь для осуществления своей деятельности. Негативно сказывался переход развития российского общества на рыночные условия, недостаток специалистов-этнополитологов, отсутствие координации работы национальных объединений.

На начальном этапе демократизации российского общества новые институты артикуляции и согласования этнических интересов не существовали или были еще недостаточно развиты, в то время как старые механизмы уже не работали. Результаты социологических опросов в середине 1990-х гг. показали спад социальной активности населения, снижение этнокультурных запросов, политизацию этнического фактора и рост межэтнической напряженности.

На этом фоне падал уровень жизни граждан, что могло привести к обострению межэтнической ситуации по стране в целом, в исследуемом регионе в частности. Ключевая роль в урегулировании потенциальных конфликтов принадлежала активистам общественных организаций.

Управление культуры областной администрации взяло курс на более тесное сотрудничество с ними. К 1995 г. на территории Челябинской области действовало 4 украинских культурных центра, 4 немецких, 3 еврейских, а также корейский и грузинский. После принятия Федерального закона «О национально-культурной автономии» в 1996 г. была создана «Ассамблея народов Челябинской области» с целью сохранения, развития этнических сообществ, проживающих на территории области, их языка, культуры, единения на основе согласования национальных интересов.

Регулярно проводились совместные просветительские мероприятия, охватывавшие значительную аудиторию: праздники, декады национальных культур, фестивали и т.д. Развивалась система преподавания на родном языке: действовали школы с изучением армянского, казахского, корейского и немецкого языков.

Во втором параграфе «*Влияние миграций на региональные диаспоры*» установлен характер миграционных процессов, в которых участвовали диаспоры.

Основными миграционными процессами стали миграции, происходившие под влиянием военных и межэтнических конфликтов, угрозы насилия; репатриация на историческую родину (характерна для российских евреев и немцев), легальные социально-экономические, в том числе трудовые, миграции, а также нелегальные миграции, приводившие к росту объемов теневой экономики, нелегальной занятости, контрабанды и т.д.

Миграционные процессы противоречиво сказывались на ситуации в исследуемом регионе и диаспорах, представленных на его территории. Миграция позволила компенсировать до 57% естественной убыли населения. В то же время усложнение этнического состава населения и этнокультурного многообразия стало фактором, затруднившим государственное управление и регулирование межгрупповых отношений. Провоцировался феномен

мигрантофобии, диаспоры воспринимались принимающим обществом как конфликтогенный фактор.

В начале 1990-х гг. нарастали темпы вынужденных миграций. В 1992-1998 гг. статус вынужденных переселенцев и беженцев получили свыше 20 тыс. человек. Несмотря на преобладание русских среди этой категории мигрантов, вынужденные перемещения способствовали численному приросту в закавказских и среднеазиатских диаспорах. Отметим, что приведенные данные не позволяют в полной мере отразить масштаб этих перемещений, т.к. из-за бюрократических сложностей, личных мотивов, ограниченности ресурсов, предназначенных для поддержки этой категории государством многие, самостоятельно решали проблемы обустройства.

Эмиграция из Челябинской области немцев и евреев повлекла существенное сокращение их численности. К 1996 г. выехало свыше 6 тыс. немцев, к 1994 г. из региона репатриировались около 2 тыс. евреев. Трудовые миграции являлись наиболее интенсивной формой миграционного поведения с участием представителей закавказских и среднеазиатских диаспор. По сравнению с 1989 г. численность выходцев из Закавказья в регионе выросла на 10,7 тыс. человек, а из Средней Азии – на 4 тыс. Вынужденные и трудовые мигранты прилагали усилия по обустройству на постоянное место жительства.

Усиление миграционных процессов актуализировало вопросы региональной безопасности. Широкое распространение получило привлечение иностранных граждан на сезонные работы. Формировались группы изолированных от общества трудовых мигрантов, поскольку многие из них прибывали по каналам, которые не контролировались государством. Проницаемость границы с Казахстаном способствовала активизации нелегальных миграций с юго-восточного направления. Ежегодно в регионе могли находиться на нелегальной основе до 14 тыс. иностранцев, что стимулировало рост теневой экономики и коррупции, трансграничной (международной) преступности, наносило ущерб до нескольких десятков

миллионов рублей ежегодно. Действовали организованные группы, занятые в переправке и легализации, этих миграционных потоков. Возрастали объемы наркотрафика, происходило сращивание интересов местных и трансграничных преступных групп, формировался устойчивый интернациональный криминалитет. Возникла необходимость осторожно использовать понятие «этническая преступность» т.к. особенность трансграничных преступных группировок состоит не в опоре на этническую солидарность, а в способности действовать, преодолевая государственные границы.

В третьей главе диссертации *«Структура диаспор: общественные организации и социокультурный облик диаспорных групп»* внимание фокусируется на деятельности формальных и неформальных объединений, обосновывается идея разделения диаспор на «старые» (еврейскую, немецкую, украинскую, казахскую) и «новые» (грузинскую, корейскую, узбекскую, азербайджанскую, армянскую, таджикскую, курдскую), реконструируется их социокультурный облик.

В первом параграфе *«Возникновение и деятельность диаспорных объединений»* выявлены основные направления и формы деятельности формальных и неформальных организаций диаспор. Показано, что работа общественных организаций и религиозных общин диаспор строилась вокруг культурно-просветительской деятельности, издания средств массовой информации и литературы, развития религиозной жизни, приглашения в регион государственных деятелей своей родины, благотворительности.

В 1989 г. создаются еврейский, немецкий и казахский национально-культурные центры. В 1993-1994 гг. образовались грузинское («Золотое Руно»), украинское («Троянда») культурные общества и корейский культурный центр. Еврейское, немецкое и корейское сообщества открывали воскресные и общеобразовательные школы, библиотеки, организовывали лектории и молодежные лагеря. За 1989-1998 гг. курсы иврита в еврейской общине прошло 3 тыс. человек, сотни желающих изучали немецкий язык по

проектам «Breitenarbeit». Широкую известность приобрели фольклорные коллективы «Атиква», «Кристалл», «Эдельвейс», «Квитка», «Ластивка», «Зыряна Крыница». Значительная помощь поступала от посольств исторической Родины, международных благотворительных и просветительских фондов и организаций: «Джойнт», «Сохнут», «Хабад Любавич Ор-Авнер», «VDA» (Общество немецких культурных связей за рубежом), «GTZ» (Германское обществу по техническому сотрудничеству), «МСНК» (Международный союз немецкой культуры). В 1997-2001 гг. были созданы армянские, азербайджанские, таджикские («Крунк», «Озан», «Сомониен» и др.) и курдские организации. Азербайджанский культурный центр «Озан» вел работу по преодолению негативных стереотипов о «лицах кавказской национальности», оказывал помощь азербайджанцам на Южном Урале.

Печатались газеты еврейской общины «Мошиах Таймс», «Еврейские окна», на украинском языке «Рідне слово», азербайджанский культурный центр издавал газету «Озан». Кроме того, при помощи национальных общин издавалась историческая литература и сборники стихов.

При посредничестве диаспор в область совершали визиты консулы и послы Израиля, Украины, Южной Кореи. Роль диаспор как международного актора не исчерпывается удовлетворением культурных и образовательных потребностей, поскольку их коммуникации являются дополнительной площадкой политического сотрудничества, укрепления диалога по многим направлениям. Среди них – культура, экономика, миграция и правовая защита мигрантов, борьба с терроризмом, этническим и религиозным экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и др.

Развивались ортодоксальные и реформистские иудейские общины. При помощи местных властей, представителей бизнеса и международных благотворительных еврейских организаций прошли возвращение и реставрация синагоги, возвращенной общине. Немалую роль в жизни католических и лютеранских общин Челябинской области играли связи с

верующими Германии, Австрии и Швейцарии. Последние оказывали помощь в строительстве и оснащении католического костела в Челябинске, создании молитвенных домов в местах компактного проживания российских немцев, в частности в Старокамьшинске.

Еврейские организации занимались благотворительными проектами. Община получала и распределяла гуманитарную помощь. В 1998 г. был зарегистрирован Еврейский благотворительный центр «Хэсэд Нэхама». Центр осуществлял программы социальной поддержки и защиты граждан, охраны здоровья пожилых, детей и инвалидов; способствовал сохранению истории и культуры еврейского народа.

Несмотря на материальные, организационные и иные трудности диаспоры в исследуемый период сформировали разветвленную сеть культурно-просветительных, благотворительных и религиозных учреждений.

Во втором параграфе *«Социально-демографический состав «старых» диаспор»* реконструированы черты социокультурного облика еврейской, немецкой и казахской диаспор, предложены модели идентичности российских евреев и немцев.

«Старые» диаспоры были интегрированы в местный социум на протяжении нескольких поколений. Так еще в дореволюционный период в Челябинске и Троицке существовали институты еврейских общин (синагоги, школа, кладбище и т.д.). В 1911-1915 гг. в Троицке издавался казахский общественно-политический журнал «Айкап». Известно, что в Златоусте уже в XIX в. немецкие мастера-оружейники создали лютеранскую общину.

Представители «старых» диаспор являлись уроженцами Южного Урала или прибыли в регион еще в советское время. Значительная часть представителей украинской и еврейской диаспор была связана с волнами переселений советского периода. За исключением казахов, компактно проживающих в сельской местности в южных районах области, «старые» диаспоры представлены в составе населения таких крупных городов как

Челябинск и Магнитогорск. Кроме того, в Октябрьском районе Челябинской области выявлен сельский ареал проживания российских немцев, прибывших на Южный Урал еще до депортаций 1940-х гг.

Все это позволяет отнести евреев, немцев, украинцев и казахов в нашем исследовании к «старым» диаспорам.

Средний возраст украинцев составил 50 лет, у казахов – 30 и у немцев – 40. Сократилась доля молодежи добрачного возраста. Гендерная структура отличалась стабильностью. Особенностью языковой ситуации стал низкий уровень знания родного языка среди евреев и немцев. Родным языком владели 4,7% евреев, 27% украинцев, 31% немцев, и 73% казахов. Общение с иноэтничным окружением, потребности хозяйственного и культурного развития, соответствующая политика советского периода снизили функциональную роль немецкого, украинского и еврейских языков. Компактное проживание казахов в сельской местности способствовало поддержанию языковой среды, где применялся казахский язык. В семейной обстановке и при дружеском общении применяли родной язык в еврейской диаспоре не более 1,7% ее представителей, 3,5% – в украинской, 8,6% – в немецкой и 29% – в казахской. Стабильное положение казахского языка в бытовой сфере позволяет рассматривать его не только как этносоциальное явление, но и как этнический маркер, определяющий идентичность и самосознание казахов.

На основе анализа менталитета представителей немецкой и еврейской диаспоры Южного Урала сформированы несколько моделей их этнокультурной идентичности: ассимиляционная модель, модель типа «симбиоз» («русские евреи», «светские евреи». «русские и уральские немцы»), и модель «мигрантского типа», существенным признаком которой являлись эмиграционные настроения. Определена ортодоксальная модель, описывающая базовые ценности и механизмы поведения, основанные на традиционном иудаизме. Проведенное исследование выявило

информационную закрытость этой группы и низкой уровень коммуникативной активности ортодоксальной иудейской общины.

Выявлена высокая значимость исторической и семейной памяти для этнокультурного самоопределения и поиска этнических корней. Именно историческая память, ее негативные сюжеты, такие как бытовой и официальный антисемитизм, депортация российских немцев, гонения, ассоциации с образом «фашиста и предателя», определяли эмиграционные намерения и (или) забвение идентичности.

Эмиграция привела к созданию новых контактов и отношений поверх государственных границ, информация, получаемая от эмигрантов, способствовала заимствованию адаптационного опыта и навыков, пробуждению или затуханию эмиграционных настроений в региональных диаспорах.

В третьем параграфе *«Практики адаптации и характеристики «новых» диаспор (закавказских и среднеазиатских)»* реконструируются социокультурные характеристики закавказских (азербайджанцы, армяне, грузины, курды) и среднеазиатских диаспор (таджики, узбеки, корейцы). Приведен анализ обустройства мигрантов из этих регионов в принимающем обществе.

Представители «новых» диаспор в большинстве своем приехали в Челябинскую область под воздействием политических и экономических проблем в бывших союзных республиках. За исключением сравнительно небольшого количества старожилов еще советского времени постсоветские мигранты не имели опыта жизни на Южном Урале. Миграции с их участием имели интенсивный характер и происходили в сжатый хронологический отрезок, включающий 1991-2002 гг. На начальном этапе не существовало каких-либо диаспорных институтов. Интеграция «новых» диаспор в российское общество происходила в ходе становления рыночной экономики, резкой смены этнокультурной и социальной среды.

Все это позволяет отнести азербайджанцев, армян, грузин, корейцев, курдов, узбеков, в нашем исследовании к «новым» диаспорам.

«Новые» диаспоры обладали иными признаками и существенно отличались от «старых» по многим параметрам. В период 1989-2002 гг. по отношению к старожилам в этнических группах: у азербайджанцев количество новоприбывших составило 3,9 тыс. чел. (53%), 6,3 тыс. чел. (73%) у армян и 4,2 тыс. чел. (83%) у таджиков. Эти данные подтверждают, что в основе своей закавказские и среднеазиатские диаспоры складывались в результате миграций в этот период.

Основная часть миграционного прироста направлялась в наиболее крупные города области, такие как Челябинск и Магнитогорск. Свыше 70% новоприбывших приезжали из крупных и малых городов, что давало им определенные преимущества перед выходцами из сельской местности. Как правило, уровень образования и адаптивный потенциал горожан оказывался выше.

Значительная гендерная диспропорция в пользу мужчин скорректирована только к началу 2000-х гг. в результате миграционного прироста, создания семей. Так, 35-40% новоприбывших в «новых» диаспорах составили женщины. Вывод о «семейном» характере миграции подтверждает и возрастная структура «новых» диаспор, для которой характерно отсутствие стариков и значительная доля молодежи до 18 лет. Средний возраст иностранных граждан распределялся следующим образом. Для граждан Азербайджана он составил – 26,8 лет, Армении – 24,2, Грузии – 28,7, Узбекистана – 30,2.

Миграционная история большинства представителей данных групп не превышала 5-10 лет, следовательно, социализация происходила еще на исторической Родине. Это отражалось на этноязыковых процессах. На протяжении исследованного периода доля считавших родным язык своей этнической группы оставалась высока: 60% у армян, 86% у таджиков и около 70% у азербайджанцев. Это обусловило высокий уровень владения

родными языками, их широкий функционал в семейно-бытовой сфере. У узбеков этот показатель составлял минимум 11%, у азербайджанцев и армян 17%, у таджиков 40%, что выше, чем в «старых» диаспорах.

Диаспоры из Закавказья и Средней Азии представлены двумя группами. Первую образовывали немногочисленные «советские» мигранты, поддержанные институционально (распределение после вуза, служба в армии, направление на учебу и т.д.). Представители старожильческих групп формировали диаспорную идентичность, вели разъяснительную работу среди новых мигрантов, оказывали им социальную и правовую помощь, занимались благотворительностью, создавали национально-культурные общества. Конструктивный потенциал данной модели поведения диаспор способствует сведению к минимуму факторов вовлечения их представителей в широкие социальные и межгрупповые конфликты.

В заключении диссертационного исследования подведены его итоги, сформулированы ключевые выводы.

Применение конструктивистской парадигмы позволило интерпретировать диаспоры не как «сколки с этноса», а как стадию качественного развития и специфический образ жизни меньшинств. Диаспоризация включает поиск и сознательный выбор идентичности, взаимодействия на трансгосударственном и локальном уровне, создание и деятельность общественных объединений, формальных и неформальных институтов.

К началу 2000-х гг. в Челябинской области действовали еврейский, немецкий, казахский, грузинский, корейский, украинский, армянский, азербайджанский, таджикский и курдский национально-культурные центры. Совершенствование нормативно-правовой базы и координация деятельности культурно-просветительских обществ позволили диаспорам стать активным участником межэтнических отношений.

В результате эмиграции сократилась численность евреев и немцев. Вынужденные и трудовые миграции закладывали социальную базу «новых»

диаспор. Нелегальная миграция провоцировала рост теневой экономики и трансграничной преступности.

Диаспорами создавались конфессиональные, благотворительные, культурно-просветительские, образовательные учреждения и объединения, укрепляли связи с исторической Родиной, страной исхода, родственными диаспорами, общероссийскими и международными благотворительными и просветительскими организациями. Так в 1989 – первой половине 1990-х гг. возникли общественные объединения «старых» диаспор. Позднее, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. для оказания социальной и правовой помощи своим представителям стали создаваться общества «новых» диаспор.

Представители «старых» диаспор в основном являлись уроженцами области или мигрантами советского времени. Эти группы обладали сложившейся демографической структурой и за исключением казахов высоким уровнем урбанизации. Языковая ситуация украинцев, немцев и евреев характеризовалась снижением уровня знания и функциональной роли родного языка.

Фрагментация этнокультурного самосознания показала нарастание ассимиляции. В тоже время на основе исторической памяти, элементов традиций и культуры складывались группы «русских немцев и евреев». Низкий уровень жизни в России и недоверие по отношению к деятельности российских органов власти способствовали росту эмиграционных настроений. В иудейских общинах воссоздавались институты и образ жизни традиционного еврейства.

Большинство представителей «новых» диаспор это постсоветские вынужденные и трудовые мигранты. Гендерная структура менялась под воздействием миграции и переезда семьями и их создания уже в России, что увеличило долю женщин, снизило средний возраст в этих группах. Языковая ситуация «новых» диаспор складывалась на основе высокого уровня знания и повседневной роли родных языков.

Успешно адаптировавшиеся в иноэтничном сообществе старожилы становились активными организаторами диаспорных общественных объединений, составляли социальное «ядро» диаспор. Родственно-клановые, дружеские и профессиональные отношения помогали постсоветским мигрантам интегрироваться в принимающее общество, способствовали созданию бизнеса, перевозу семьи, получению российского гражданства т.е. обустройству на долгую перспективу.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Авдашкин, А. А. Диаспора: происхождение и развитие понятия [Текст] / А. А. Авдашкин // Социум и власть. – 2013. – № 2. – С. 107-111 (0,6 п.л.).
2. Авдашкин, А. А. Еврейская община Челябинска (1989-2002 годы) [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. – 2014. – № 22. – С. 120-126 (0,6 п.л.).
3. Авдашкин, А. А. Модели воспроизводства этнокультурной идентичности: на примере еврейского населения Челябинской области (1989-2003 гг.) [Текст] / А. А. Авдашкин // Социум и власть. – 2014. – № 5. – С. 118-123 (0,5 п.л.).
4. Авдашкин, А. А. Приграничный регион Российской Федерации в контексте миграционных процессов в 1991-2002 гг. (на примере Челябинской области) [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 26-29 (0,4 п.л.).
5. Авдашкин, А. А. Стратегии интеграции мигрантов в принимающее общество (на материалах Челябинской области в 1990-х – начале 2000-х гг.) [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 17-20 (0,4 п.л.).

6. Авдашкин, А. А. Структурный подход в исследовании диаспор Челябинской области (1989-1996 гг.) [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 1. – С. 152-159 (0,7 п.л.).
7. Авдашкин, А. А. Феномен диаспоры: методологические основы научного исследования [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. История. – 2015. – № 2. – С. 131-137 (0,6 п.л.).
8. Авдашкин, А. А. Формирование диаспор в Челябинской области 1989-2003 гг. [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2013. – № 2. – С. 183-186 (0,3 п.л.).
9. Авдашкин, А. А. Этнокультурная политика региональных органов власти (на примере Челябинской области в 1989-1993 гг.) [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. – 2014. – № 5. – С. 92-97 (0,7 п.л.).
10. Авдашкин, А. А. «Wer sind sie?»: специфика идентичности российских немцев на рубеже XX-XXI веков (на материалах Челябинской области) [Текст] / А. А. Авдашкин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 7. – С. 25-28 (0,4 п.л.).

Другие публикации:

11. Авдашкин, А. А. Азербайджанская диаспора в Челябинской области: 1989-2002 гг. [Текст] / А. А. Авдашкин // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: материалы XIII международной заочной научно-практической конференции (Москва, 07 мая 2013 г.). – М.: «Международный центр науки и образования», 2013. – С. 7-11 (0,2 п.л.).
12. Авдашкин, А. А. Деятельность национально-культурных объединений российских немцев в конце 1980-х – начале 2000-х гг. (на материалах Челябинской области) [Текст] / А. А. Авдашкин // Мир Евразии. – 2014. – № 4. – С. 2-8 (0,6 п.л.).

13. Авдашкин, А. А. Межэтнические отношения в Челябинской области в 1989-1995 гг. [Текст] / А. А. Авдашкин // Мир Евразии. – 2013. – № 3. – С. 2-4 (0,3 п.л.).
14. Авдашкин, А. А. Немцы г. Копейска: от клубов по интересам до диаспоры (1989-2000 гг.) [Текст] / А. А. Авдашкин // Мир Евразии. – 2013. – № 3. – С. 4-7 (0,4 п.л.).
15. Авдашкин, А. А. Этнос и диаспора проблема соотношения понятий [Текст] / А. А. Авдашкин // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: материалы XI международной заочной научно-практической конференции (Москва, 12 марта 2013 г.). – М.: «Международный центр науки и образования», 2013. – С. 6-11 (0,2 п.л.).